

сложности и множественности, сводя преходящие акциденции, размеры, обозначения и фигуры к тому что лежит в основе этих вещей. Так, мы понимаем длинное писание и пространную речь лишь в том случае, если сократим их до простого намерения. Интеллект ясно этим показывает, что субстанция вещей состоит в единстве, которое он ищет в истине или в уподоблении.

Поверь мне, что опытейшим и совершеннейшим геометром был бы тот, кто сумел бы свести к одному единственному намерению все намерения, рассеянные в началах Эвклида; превосходнейшим логиком тот, кто все намерения свел бы к одному. Здесь заключается степень умов, ибо низшие из них могут понять много вещей лишь при помощи многих видов, уподоблений и форм, более высокие понимают лучше при помощи немногих, наивысшие совершенно при помощи весьма немногих. Первый ум в одной мысли наисовершеннейшим образом охватывает все; божественный ум и абсолютное единство без какого-либо представления вида сам есть то, что понимает, и то, что понято. Так, следовательно, мы, подымаясь к совершенному познанию, подвигаемся, усложняем множественность, как при нисхождении к произведению вещей разъясняется единство. Нисхождение происходит от единого сущего к бесконечным индивидам, подъем – от последних к первому. Итак, в заключение этого второго рассуждения я скажу, что когда мы стремимся и устремляемся к началу и субстанции вещей, мы продвигаемся по направлению к неделимости; и мы никогда не думаем, что достигли первого сущего и всеобщей субстанции, если не дошли до этого единого неделимого, в котором охвачено все. Благодаря этому лишь в той мере мы полагаем, что достигли понимания субстанции и сущности, поскольку сумели достигнуть понимания неделимости. На этом основании перипатетики и платоники сводят бесконечных индивидов к неделимому основанию многих видов; бесчисленные виды подчиняют определенным родам (по мнению Архита, их десять), определенные роды подчиняют единому сущему, единой вещи. Эта вещь и сущее понимается ими как имя и название, как логическое намерение и, в конце концов как ничто. Ибо, рассуждая далее физически, они не знают реальности и бытия всего того, что является намерением, и имени, общего всему тому, что называется и понимается. Это, конечно, произошло вследствие ограниченности интеллекта.

В-третьих, ты должен знать, что вследствие отличия и независимости субстанции и бытия от количества – мера и число не являются субстанциями, но лишь относятся к субстанции, являются не сущим, но лишь вещью сущего. Отсюда следует, что мы обязательно должны говорить, что субстанция по своей сущности не имеет числа и меры, а поэтому едина и неделима во всех частных вещах; последние же получают свое частное значение от числа, т. е. от вещей, которые лишь относятся к субстанции. Поэтому тот, кто познает Полиинния как Полиинния, познает не частную субстанцию, но субстанцию в частном и в различиях, к ней относящихся. Осуществляясь, она полагает этого человека в числе и множественности при помощи вида. Здесь известные акциденции животного организма образуют множество видов животных, подобно тому как известные акциденции человеческой природы образуют множество человеческих индивидуумов. Равным образом известные жизненные акциденции образуют разновидности всего одушевленного и живущего. Не иначе известные телесные акциденции образуют разновидности телесности. Подобным же образом известные акциденции субстанции образуют разновидности субстанции. Таким же образом известные акциденции бытия образуют разновидности сущности, истины единства сущего, истинного, единого.

В-четвертых, возьми обозначения и способы проверки, при помощи которых мы хотим прийти к выводу, что противоположности совпадают в едином; отсюда нетрудно вывести в конечном итоге, что все вещи суть единое, как всякое число, в равной мере четное и нечетное, конечное и бесконечное, сводится к единице. Последняя, повторенная конечное число раз, полагает число, а бесконечное число раз – его отрицает. Обозначения возьмем из математики, способы проверки, – из других моральных и спекулятивных способностей. Итак, что касается обозначений, скажите мне, какая вещь более несходна с прямой линией, чем окружность? Какая вещь более противоположна прямой, чем кривая? Однако в начале и наименьшем они совпадают; так что, какое различие, найдешь ты между наименьшей дугой и наименьшей хордой? – как это божественно отметил Кузанский, изобретатель прекраснейших тайн геометрии. Далее, в наибольшем, какое различие найдешь ты между бесконечной окружностью и прямой линией? Разве вы не видите, что чем больше, окружность, тем более она своим действием приближается к прямоте? Кто настолько слеп, чтобы не увидеть, насколько дуга ВВ, будучи, больше дуги АА, и дуга СС, будучи больше, чем дуга ВВ, и дуга DD, будучи больше, чем три остальные, показывают, что они являются частя-